

РЕЦЕНЗИИ

Бабушкин А. П. Возможные миры в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001. — 86 с.

Настоящая заметка — не столько рецензия на прекрасную книжку А. П. Бабушкина о «возможных мирах», сколько мысли, возникшие в связи с нею. Встретившись впервые с понятием возможных миров, я долго считала, что оно относится к тем воображаемым мирам, что описаны в художественных произведениях и в которых живут и действуют придуманные их авторами герои. Проблемы соответствия этих миров миру действительному казались мне связанными с проблемами реализма в литературе, проблемами жанра и стиля повествования, а потому в фантастике — так мне тогда казалось — создаются уже не столько придуманные и задуманные как реальные миры, сколько фантастические, «неземные». Вместе со знакомством с трудами Я. Хинтикки или Г. Путнэма и особенно Ж. Фоконье пришло совсем другое понимание возможного мира. Когда Фоконье стал объяснять свои знаменитые примеры о женщине с зелеными глазами (на картине), глаза у которой — карие (в жизни), он хотел показать столкновение двух ментальных пространств — одного, отраженного в живописи, и другого — существующего в реальной действительности. Точно так же, приведя примеры типа *Если б я был президентом*, он хотел обратить внимание на контрфактуальный характер такого высказывания, переносящего нас в мир, конструируемый говорящим в виде особого ментального пространства¹.

И все же, кажется, именно в 80-е гг. прошлого века рождалось особое представление о том, что может язык, подобно тому, как в сфере обозначений были выделены естественные классы (имеющие реальных референтов в мире действительности), а им были противопоставлены классы номинальных сущностей (созданных человеческим умом одной силой наименования), в сфере описаний действительности разъяснения Ю. С. Степанова подчеркивали способность языка творить новые объекты, отличающиеся от природных именно своим номинальным характером. Исследуя роль словообразования в формировании языковой картины мира и пытаясь ответить на вопрос о том, что оно привносит в концептуальную систему, мы отмечали, что «в современном мире часто создаются реалии, конструируемые мыслями человека и возникающие в силу операций с уже существующими понятиями»², и, ссылаясь на Ю. С. Степанова³, под-

черкивали, что такие «сконструированные» реалии (*холостяк, сорняк* и пр.) чаще всего создаются в сфере словообразования.

Книга А. П. Бабушкина демонстрирует, что такими сконструированными языком сущностями оказываются уже не просто отдельные реалии сознания, а **целые миры**. Их-то и можно считать **возможными**.

Во Введении к книге говорится, что «... в семантическом пространстве языка существуют миры, которые не являются копиями того, что бытует в действительном мире» (с. 4). Но в этом пункте я бы, пожалуй, и поспорила с автором: «копиями» не являются, на наш взгляд, никакие миры, описанные человеком в языке. Недаром одним из важнейших понятий в когнитивной лингвистике выступает сегодня понятие «конструирование мира» (*the construal of the world*)⁵, в котором подчеркивают идею о том, что онтологическая реальность, мир как он есть, отражен в языке отнюдь не в буквальном смысле, а лишь в том виде, в каком он увиден и воспринят человеком, «преломлен» его органами чувств и его человеческим сознанием. При такой интерпретации можно было бы, наверное, считать, что каждый народ обладает своей собственной картиной мира, а в этом смысле и что каждый язык отражает свой собственный «возможный мир».

Но на такой крайней точке зрения можно и не настаивать и, принимая трактовку А. П. Бабушкина, полагать, что возможные миры — это творимые языком и описываемые с помощью особой системы языковых средств **условные, гипотетические миры**, миры нашего сознания, **отличные** от того, что мы видим в качестве обычного, окружающего нас и представляющегося действительным положением дел. На объяснение такой интерпретации понятия возможного мира и направлена, собственно, вся книга автора.

Излагая свою концепцию удивительно просто и четко, ссылаясь на многочисленные источники, А. П. Бабушкин пишет о своей зависимости от мнений Я. Хинтикки и Ю. С. Степанова и дает следующее определение понятию: «возможные миры — это вероятностное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в реальном мире и проецирующему свое «я» в иные мыслительные пространства» (с. 10). Именно с этой точки зрения рассматриваются им и проблема модальности, и проблема «странности» как определенной оценки происходящего, и проблема разных типов миров в семантическом пространстве языка. Но главное — это выявление языковых способов представления

возможных миров, маркировки человеком факта отхода его от реальности, от фактического положения дел, факта включения человека в пространство воображаемого, могущего быть, но все же не состоявшегося.

Прекрасно представлена в книге и типология возможных миров, и мера отклонения возможного мира от наблюдаемого, в широком диапазоне таких отклонений, когда, опираясь на языковые данные, можно определить степень возможности совершения тех или иных действий или же наступления/ненаступления определенных событий.

Книга читается с захватывающим интересом, притом как в силу того, что здесь излагается о языковом материале и его специфике, так и в силу великолепно подобранного иллюстративного материала.

Вряд ли есть необходимость освещать содержание книги — она невелика по объему, но весьма информативна и отчетливо демонстрирует, как изменились рассуждения о языке и методика лингвистического анализа. Мне не хватало, пожалуй, только ссылок на теорию инференции (семантического вывода), без освещения которой не вполне полно сегодня объяснение понятия пресуппозиции, а также упоминания о понятии *plausibility*, правдоподобности по отношению к возможным мирам: все же при различии степеней отклонения возможных миров и от действительного, и от ближайшего, и даже ирреального некое правдоподобие существующему порядку вещей играет свою роль и при создании условных предложений, и при констатации иллюзий, и даже в самых смелых фантазиях.

Завершая эти заметки, хочу еще раз повторить: книжка А. П. Бабушкина не только современна, не только вносит свой вклад в поднятые в ней проблемы возможных миров и в понимание того, как мыслит человек и с какими невероятно сложными ментальными пространствами имеет дело его сознание, но и красноречиво свидетельствует о том, какие неожиданные горизонты открывает перед человеком знание языка и как существенно раздвигает язык границы нашего познания и нашего воображения.

¹ *Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge (Mass.), 1985.*

² *Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 172.*

³ См.: *Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды се-*

мантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 320—321.

⁴ Кубрякова Е. С. Указ. соч. С. 167.

⁵ См., например, материалы сб. «The Construal of the World».

*Е. С. Кубрякова, д-р филол. наук,
Институт языкознания РАН РФ*

Нужное пособие

Русская литературная классика XIX века: Учеб. пособие / Под ред. А. А. Слинько и В. А. Свительского. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. — 426 с.

Вышел в свет примечательный во многих отношениях коллективный труд воронежских специалистов — «Русская литературная классика XIX века». Он заявлен как «учебное пособие», и в этом уже есть хороший повод для заинтересованного разговора.

В самом деле, почему, собственно, не «учебник для вузов»? По охвату материала, по своим функциональным возможностям эта книга может быть учебником. Однако называть ее так действительно не стоит. И не потому, что она до этого жанра «не дотягивает». Она его рамки скорее перерастает. Такое у меня сложилось впечатление, и хотелось бы разъяснить его в последующих «размышлениях над страницами.....».

Первое, что обращает на себя внимание, — достаточно пространное Введение и Заключение. Они играют далеко не формальную роль, каждое имеет принципиальную значимость. И потому и то, и другое конкретно и развернуто озаглавлены: «XIX век как историко-литературная эпоха (Введение)» и «Значение русской классики XIX в. (Заключение)». Оба они стоят того, чтоб к ним присмотреться внимательнее — любое из них вполне могло бы служить самостоятельным предметом научного отклика.

Если коротко обозначить сильные стороны Введения, то это, во-первых, его концептуальность. Во-вторых, к несомненным достоинствам Введения относится сама реализация заявленного подхода. Концепция авторского коллектива не просто декларируется и обосновывается, но активно работает.

Так, предполагается показать, что XIX столетие в истории русской литературы составило самостоятельный период, который обладал «цельностью и законченностью», имел «последователь-